

из головы. Но песня по-настоящему ценна лишь тогда, когда она прекрасна как целое, как единство музыки и текста. Именно благодаря ему, этому единству, возникает контакт певца с публикой. Лишь высокопоэтический текст продлевает песне жизнь, не позволяет ей надоесть ни публике, ни самому певцу, сколь долго бы он ее ни исполнял. Самое важное — выразить в музыке и исполнении поэтическую идею. В моем репертуаре много таких примеров: «Прощай, любовь моя», «До первых петухов», «И завтра — день» и другие тронули мою душу еще с первого исполнения и продолжают волно-

вать и сейчас, когда я даю более двухсот концертов в год.

— Если бы вас сейчас попросили дать совет какому-нибудь вашему молодому коллеге, что бы вы ему сказали? Так ли уж несерьезен «легкий жанр»?

— На самом деле «легкий» жанр ужасно серьезен. Чтобы подняться наверх, надо многое иметь — умение быть естественным на сцене, обязательное знание новейших стилей популярной музыки и в первую очередь труд, труд и еще раз труд...

Йордан ГЕОРГИЕВ

Достигнуть вершины

Успех, обрушившийся на Надежду Павлову в 1972 году во время II Международного конкурса артистов балета в Москве, был подобен снежному обвалу. Ее имя не просто стало известным и популярным, балерина — почти девочка — вошла в зенит славы сразу, как только появилась на подмостках сцены. Маститые критики, прославленные артисты, крупнейшие деятели искусства, перебивая друг друга, спешили высказаться на страницах газет и журналов, по радио и телевидению торопились отдать дань признательности молодому, сверкающему таланту, поразительно соединившему в себе детскую непосредственность и зрелость выражения. Смелым и пышным сравнениям, обращенным в ее адрес, восторженным статьям просто не было числа. Да что греха таить, я и сам на одной из творческих встреч зрителей с юной артисткой объявил ее Мозартом современной балеты. «Дрогнуло» даже суровое международное жюри: Надежде Павловой первой была вручена высшая награда — «Гран-при» — московского конкурса.

Во всеобщем хоре похвал и лестных характеристик раздавался лишь отдельный голос, призывающие к осторожности, сдержанности оценок. Как

правило, ими руководило желание уберечь редкое дарование от разрушительного действия захваливания. Кстати, так была настроена и известная болгарская балерина Вера Кирова, которая на одном из конкурсных брифингов сказала, что «Гран-при» Надежды Павловой следует рассматривать как аванс, выданный танцовщице на будущее.

Но, пожалуй, удивительнее всего, что сама Надя Павлова будто и не замечала бума, разразившегося вокруг ее имени. Она неохотно встречалась с корреспондентами, а если и встречалась, то была немногословной, замкнутой. Недовольно насуленные бровки «домиком», простенное платье, отчужденность от собеседника — все заставляло смущаться, робеть перед ней даже самых бойких и бесцеремонных интервьюеров. Казалось, что она не только абсолютно равнодушна к славе, но и протестует всем своим обликом против непомерного любопытства толпы к ее личности, что все это мешает ей сосредоточиться на главном, важном. Недетская аскетичность поведения юной балерины невольно заставляла надеяться, что в будущем из нее вырастет большой и подлинный художник. Ведь, несмотря на серьезность

«Жизель».

победы, одержанной на московском форуме танца, ей еще предстояло доучиваться в Пермском хореографическом училище, в классе Людмилы Павловны Сахаровой.

«Надо сказать, что Надя удивительно работоспособная ученица,— в свое время отмечала Л. П. Сахарова.— Ее серьезность и фанатичность отношения к делу иногда поражают даже

меня. Она всегда предельно собранна, не пропускает ни одного замечания, упорна в достижении цели, любое движение старается не просто механически заучить, сделать, а осмыслить, осознанно пропустить через свое тело».

На выпускном спектакле, по сложившейся в Перми традиции, Надя Павлова выступила в роли Сванильды из балета Делиба «Копеллия». Пришло время поговорить о критиках — сумеет ли Надежда оправдать возложенные на нее надежды?

Небольшой зал пермского театра был переполнен. Зрители ждали встречи с чудом. И чудо состоялось. Надя с самого начала танцевала уверенно и сильно: пели красивые линии в адажио, трепетно и музыкально исполнялись трудные пассажи и даже коварные тридцать два фузте получились вполне чистыми. Однако всего этого для чуда было пока недостаточно. И вдруг в «Испанке» балерина широким жестом взмахнула и закрылась веером. Лукавым озорством и горячим призывом обжег страстный взгляд. Тело прогнулось в сладкой истоме, потом пружинисто распрямилось и бросилось в стремительный и легкий прыжок. То была настоящая испанка, южная красавица — дерзкая и обольстительная. Конечно, такого превращения никто не ожидал. Зал на мгновение замер, а затем грохнул громом оваций, благодарными и искренними криками «браво!». Танец покорила всех. Так Надя Павлова одержала в своей короткой творческой жизни вторую победу, не менее важную и значительную, чем первая. Так триумфально она вошла в труппу пермского театра, сразу заняв положение ведущей солистки.

Уже в первом сезоне она готовит две сложнейшие партии — Джульетту в оригинальной постановке Н. Боярчиковым «Ромео и Джульетты» С. Прокофьева и Аврору в «Спящей красавице» П. Чайковского. Если первая роль требовала глубины чувств и тонкой психологической нюансировки, то другая — безукоризненного владения классическим танцем, понимания его совершенной красоты и гармонии. Ее Джульетта получилась трогательной и чистой, но несколько холодной, словно бы еще не ведающей любви,

а только стоящей на ее пороге. Аврора была хороша свежестью перламутрово-розовых красок, расцветавшей юностью, но временами тоже выглядела скованной, по-ученически старательной в танце. Л. П. Сахарова решает, что ее воспитаннице нужен другой учитель, опыт и знания которого неизмеримо выше ее собственных, и передает ее в руки великой Марины Семеновой. В 1975 году молодая балерина переходит в труппу Большого театра Союза ССР.

На сцене прославленного театра Надежда Павлова дебютировала в роли Жизели, партии, которую здесь же блистательно исполнили Наталья Бессмертнова, Екатерина Максимова, Людмила Семеняка. За их плечами опыт, им помогали привычная обстановка, любовь своего зрителя... Правда, последнего у Нади тоже было в избытке, юную дебютантку ждали с нетерпением и открытой доброжелательностью, которыми отличается московская публика. И все же «Жизель» — это экзамен на зрелость, труднейшее испытание для любой балерины, тем более если ты доказываешь право называться балериной Большого.

Теперь я не помню непосредственно точного впечатления от первого выступления Павловой в «Жизели» (сколько за это время их было просмотрено-пересмотрено), но, вероятно, не случайно оно не удержалось в памяти. Видимо, ощущения были не столь уж сильными. Дело в том, что Надежда Павлова относится к такому типу танцовщиц, которые входят в роль не сразу, а постепенно, шаг за шагом осваивая и архитекtonику партии, и постигая характер своей героини. Сегодня ее Жизель запоминается прежде всего естественностью и необыкновенной легкостью каждого движения, образ как будто нарисован акварелью. Она, как та ромашка, на которой гадает Альберт, привлекает скромной, но такой удивительно выразительной красотой.

Годы летят с устрашающей быстротой, а в балете — особенно. Подумать только, с того времени, как в 1971 году на сцену зала П. И. Чайковского на Всесоюзном конкурсе артистов балета и балетмейстеров выбежал пока никому не известный подросток — Надя Павлова, прошло уже

«Ромео и Джульетта».

Фото Ларисы ПЕДЕНЧУК

пятнадцать лет. Сейчас Надежда Павлова — признанный мастер. В ее творческом багаже практически весь классический репертуар Большого театра. Она объехала по меньшей

мере полмира, много концертирует, включает в программы своих выступлений опусы Дж. Баланчина, М. Бежара, произведения современных советских композиторов и хореографов.

Но, несмотря на уже стабильную известность, она все так же тиха и скромна. Конечно, сегодня она совсем не похожа на ту маленькую девочку в простеньком платьице. Есть у Павловой и машина, и элегантные туалеты, которым, впрочем, она не придает особого значения. Однако, как и прежде, она не жалуется корреспондентам и, как в юности, при назойливом любопытстве не в меру ретивого журналиста делает брови «домиком».

Безусловно, она повзрослела в отношении к миру, к своему творчеству. Сегодня ее театральная деятельность увенчана высшей наградой — званием народной артистки СССР. И опять Надежда Павлова — самая молодая из всех артистов, удостоенных этого звания. Так, может быть, она действительно избраница судьбы, изначально предназначенная для танца? Ведь, оглядываясь на полтора десятилетия назад, начинаешь понимать, что ее появление в известном смысле наложило отпечаток на развитие балетного искусства. Своеобразный «масляный», без каких-либо видимых усилий шаг танцовщицы, невероятно распахнутый, как крылья бабочки, прыжок, диспропорция между «подростковым» корпусом и «взрослыми» ногами, внесли поправки в сложившийся стереотип внешних данных балерины. Правда, если быть точным, то начало этому процессу положила Майя Плисецкая, личность которой

стояла и стоит особняком в истории мирового хореографического театра. Павлова как бы подвела черту, узаконила своим феноменом нынешние представления о возможностях современной танцовщицы. С ее стороны это произошло бессознательно, просто выбор времени пал именно на нее.

Сейчас балерина находится в том возрасте, когда наступает пора наивысшего творческого расцвета. К сожалению, ее «цветение» слишком спокойно и ровно. Появившийся в ее репертуаре элегический «Умиравший лебедь» заставил было внимательно всмотреться любителей балета в творчество танцовщицы. А «Цыганочка» в специально поставленном для нее В. Барановским балете помогла открыть совсем неожиданную Надежду Павлову — резкую, экспрессивно-нервную, обнаженно-драматическую. Но пока все это лишь эскизы, не более чем талантливые наброски для действительно новой и большой работы. Складывается впечатление, что балерина настороженно затаилась и ждет какого-то сильного, таинственного толчка изнутри. Каким он будет, какие неведомые стороны таланта затронет — определить трудно. Но это обязательно произойдет, ибо Надежда Павлова — натура щедро одаренная, и, значит, мы вправе ждать не менее щедрой отдачи ее дара.

Юрий ТЮРИН, театровед

ВЕРНИСАЖ

Открытое письмо

Иван Стоилов-Бункер — живописец, родился в 1934 году в селе Кондофре Перникского округа. В 1958 году окончил Высший институт изобразительного искусства имени Н. Павловича в Софии по классу профессора Или Петрова. Регулярно участвует во всех Общехудожественных выставках. Имеет много наград от Союза болгарских художников, Комитета культуры и других организаций. Его картины находятся в Национальной художественной галерее и других музеях страны.

В настоящее время — главный художник издательства ЦК ДКСМ «Народна младеж».